

О ВЕРОЯТНОСТЯХ ВОЙНЫ С ФРАНЦИЕЙ ПОСЛЕ ТИЛЬЗИТСКОГО МИРА *

ОБЩЕЕ ОБОЗРЕНИЕ ДЕЛА

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ

ОТ ТИЛЬЗИТСКОГО МИРА ДО ЭРФУРТСКОГО СВИДАНИЯ

Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром. Самый мир заключал в себе почти все элементы войны. Ни России с точностью его сохранить, ни Франции верить его сохранению невозможно.

* Писана или в конце 1811 г., или в самом начале 1812 г. В сочинении «Жизнь графа Сперанского» М. А. Корф ⁶¹ говорит: «Когда ход событий переменял чувства к Наполеону императора Александра, он рассудил отправить в Париж графа Карла Васильевича Нессельрода, ⁶² уже начинавшего приобретать значение в дипломатическом мире. Сперва Нессельрод был послан ненадолго, с поручением по предполагавшемуся тогда внешнему займу. Но Сперанский, желая воспользоваться такою поездкою доверенного, умного и скромного молодого человека и для другой важнейшей цели предложил присоединить к гласно заявленной цели его командировки и секретную дипломатическую миссию. Это совершенно совпадало с мыслями государя, который не имел особого доверия к тогдашнему нашему послу при французском дворе, князю Александру Борисовичу Куракину, ⁶³ а еще менее желал открыться министру иностранных дел, графу Румянцеву, ⁶⁴ известному своею наклонностью к императору французов. Нессельрод был оставлен в Париже советником посольства, и между ним и Сперанским установилась, с ведома и по точной воле государя, постоянная переписка, которая была ведена в глубокой тайне и от Куракина и от Румянцева, сделалась впоследствии одним из главных источников сведений *вернейших и полезнейших и много способствовала к раскрытию заранее истинных намерений Франции*» (Примеч. изд. 1900 г.).

Достоверность всякого мира может быть твердо основана на трех только положениях:

- 1) на относительной слабости одной из воюющих держав;
- 2) на выгодах мира;
- 3) на характере государей.

Тильзитский мир не довольно ослабил Россию, чтоб не могла она помышлять о новой войне.

Выгоды сего мира не столь были важны, чтоб вознаградить потерю коммерческих ее сношений.

Следовательно, один характер государя доставлял всю достоверность, все ручательство мира.

Франция совершенно знала и не скрывала сего положения вещей.*

Следовательно, самый простой расчет благоразумия запрещал ей полагаться на Тильзитский мир. Страхом оружия надлежало поддержать слабость трактатов.

Франция точно и следовала сему правилу.

С самым почти Тильзитским миром началось образование и сооружение Варшавского герцогства. Силы ее, в Пруссии и в Германии расположенные, не ослабевали; сколь ни настоятельны были нужды испанской войны, Франция всем жертвовала, чтоб сохранить по всей возможности северную воинскую ее систему.

Следовательно, Тильзитский мир для Франции всегда был мир вооруженный.

Отсюда возникли два главные политические мнения, разделившие в сие время всю почти Европу.

Одни рассуждали, что, окончив испанскую войну, Наполеон обратится паки на твердую землю и довершит то, что было не окончено в континентальной его системе. Основываясь на сем, они предлагали предупредить войну, которую считали неизбежною, и составить новую коалицию.**

Другие, напротив, находили, что точным и продолжительным исполнением принятых обязательств есть еще надежда сохранить мир, и что, впрочем, из всех систем оборонительных война союзная в настоящем положении держав

* Послы ее, начиная с Савари, всегда здесь твердили, что мир сделан с императором, но не с Россиею.

** Известно, что сие мнение было господствующим тогда в Вене. Его держался Меттерних;⁶⁵ от Меттерниха перешло оно к графу Толстому,⁶⁶ который и без того уже был к нему преклонен. В сем разуме писал граф Марков.⁶⁷ Сие мнение здесь было почти общее. В Берлине не смели надеяться, но помышляли о том же.

есть самая ненадежная, и что по сему лучше ожидать войны вероятной, нежели входить в связи, которые привлекут ее достоверно.

Первое мнение превозмогло в Вене, второе в Петербурге. Сие было поводом Эрфуртского свидания.

ПЕРИОД ВТОРОЙ

ОТ ЭРФУРТСКОЙ КОНВЕНЦИИ ДО ВЕНСКОГО МИРА

Эрфуртское свидание произвело ту существенную перемену в вероятностях войны, что оно дало ей на время другое направление.

Под предлогом общего мира Франция искала только удостовериться в России и достигла сей цели.

Тщетно Шварценберг домогался здесь переменить сие положение: оно было принято невозвратно.

Период сей можно считать самым благоприятнейшим в сношениях наших с Франциею.

Благоприятство сие основано было не на словах, но на самом коренном начале всякого мира — на невозможности воевать.

Россия вела войну с Турциею и оканчивала войну финляндскую. Франция имела на руках войну испанскую и начинала австрийскую.

Следовательно, в обоюдном положении сих держав существовало твердое ручательство взаимного их доверия.

Положение сие вскоре изменилось; Россия окончила финляндскую войну в сентябре, а Франция австрийскую — в октябре.

ПЕРИОД ТРЕТИЙ

ОТ ВЕНСКОГО МИРА ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Венский мир две важные сделал перемены в нашем с Франциею положении.

1) Усилил герцогство Варшавское всею западною Галициею и частию восточною.

2) Соединил две воюющие державы родственным союзом.

Отсюда вероятности войны, кои в предыдущем периоде утихли, снова возродились.

Две системы тогда представлялись вероятными: 1) раздел Пруссии между Саксониєю и Вестфалиєю; 2) восстановление Польши с согласием Австрии.

Страхи сии питаемы были разными происшествиями:

- 1) движением французских войск к северу;
- 2) присоединением Рима и Голландии;
- 3) отказом в польской конвенции;
- 4) отказом в займе.

Страхи сии, всегда политику нашу более или менее колебавшие, положением испанской войны и турецких наших дел начинали утоляться, как вдруг паки и с новою силою они возникли избранием Бернадота ⁶⁸ на шведское наследство. Казалось, тогда все уже было к нападению на нас готово.

Но прошли два, три месяца, и дела шведские так проявились, что там, где ожидали бед, можно теперь считать на некоторое даже содействие.

Между тем Наполеон издал примечательный свой декрет об истреблении английских товаров.

Все боялись, что он настоятельно будет требовать, чтобы и Россия приняла сие правило, и предвещали уже неминуемую войну.

Ни настоятельного требования, ни войны, однако же, не последовало.

Вскоре потом присоединены Ганзейские города, и вместе с другими областями Франция завладела Ольденбургом.

В течение всего сего времени поляки и здесь и в Париже не переставали твердить о войне. С обеих сторон стращали сильными приготовлениями, коих, однако же, в самом деле в сие время ни с той, ни с другой стороны еще не было.

Французские силы в Германии ограничивались до сего времени почти тем самым ополчением, которое для вооруженного мира Франция всегда считала необходимым.

Наша политика долгое время состояла в одном молчании; нельзя, однако же, нам было не готовиться, по крайней мере издалека, к войне.

Первым нашим приуготовлением можно почесть вооружение и устроение крепостей.

Вслед за тем к концу 1810 г. сделаны разные перемены в расположении войска, и количество их на границе умножено.

Вместе с тем и в политике нашей приняты две важные меры: 1) издан тариф на 1811 г. и 2) вскоре потом протестация Ольденбургская.

С сего времени можно полагать начало четвертому периоду в сношениях наших с Франциею.

ПЕРИОД ЧЕТВЕРТЫЙ

НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Тариф 1811 г., лишивший Францию 35 м. в торговом ее балансе, хотя не возбудил явных и формальных подозрений, но был для нее, без сомнения, весьма огорчителен. Для Наполеона он доказывал две важные истины:

1) что Россия после четырехлетнего молчания начинает познавать свои силы и действовать с некоторою независимостью;

2) что первый сей шаг предзнаменует и другие.

В других обстоятельствах нет сомнения, что не допустил бы он сей меры. Но на сей раз он по необходимости должен был скрыть свое негодование.*

Ольденбургская протестация должна была произвести или еще и усилить те же самые впечатления.

Из сего сами собою должны были родиться в уме его (Наполеона) следующие заключения.

I. Тильзитский мир есть мир вооруженный. Вся достоверность его основывается на страхе.

II. Страх сей по мере приращения внутренних сил России ослабевает, и Россия начинает действовать.

III. С окончанием турецкой войны она может совершенно переменить сию систему. Протестация Ольденбургская послужит ей достаточным к сему предлогом; следовательно,

IV. Франция должна готовиться к войне и усиливать свои вооружения; но между тем

V. Вызвать Россию к объяснению.

VI. Затруднять сколь можно турецкий мир как эпоху совершенного отпадения России.

Заключения сии столь просты и естественны, что каждый на месте Наполеона точно то же бы сделал.

Вся сила известной бумаги состоит в сих почти заключениях.

* Известно, что тариф сей он называл *une mesure hostile* (враждебная мера).

Истинный разум Наполеоновой речи 15 августа в сем же самом заключается.

Какие средства употреблены были с нашей стороны, чтоб переменить или уничтожить сии заключения?

1) Словесные уверения.

Уверения сии, сами по себе ничтожные, сверх того имеют два разных смысла: один для нас, другой для Франции. Когда Россия уверяет, что она не начнет войны и что Наполеон должен прийти искать нас, в России сие значит, что мы ничего не сделаем, не только чтоб начать, но чтоб и возбудить войну, а во Франции сие значит, что, конечно, Россия не объявит войны, но, отстав от континентальной системы после турецкого своего мира, она все употребит, чтоб для Франции войну сделать неизбежною.

2) Предположение о посылке в Париж уполномоченного.

Здесь множество всегда представлялось затруднений:

а) выбор лица;

б) трудность и почти невозможность определить инструкциями истинную черту его действия, и особливо словесных изъяснений с многоглаголивым Наполеоном.

Впрочем, если способ сей после 15 августа и представлял некоторые удобства, то ныне, когда уже заявлено послу, что посылка сия отсрочена до турецкого мира, она была бы или ничтожна, или, может быть, и вредна.

3) Прусский двор, вероятно, желал вмешаться в сии объяснения и быть посредником. Весьма благоразумно сделано, если отклонено сие притязание.

4) То же должно сказать и о венском дворе, если с его стороны сделаны какие-либо к тому повестки.

Из сего следует, что доселе никаких способов к истинному объяснению дела не было принято.

Между тем смута каждый день возрастает. Она питается:

а) действительным вооружением;

б) еще более слухами и известиями о вооружении;

в) происками и даже самым усердием поляков, кои здесь распространяют разные слухи о конституциях и о намерении правительства восстановить Польшу. Естественно, простираются сии слухи до самого Парижа, а там подзорчивый министр юстиции и столько же подозревающий Наполеон всегда преклонны им верить.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Из краткого обозрения настоящего положения дел происходят следующие о нем понятия.

I. Тильзитский мир, по самому существу его, есть для Франции мир вооруженный.

II. Франция никогда не считала и не могла считать, чтоб мир с нашей стороны был чистосердечен и чтоб коммерческие наши с Англиею сношения были действительно закрыты. Но должно было по необходимости предпочитать слабый мир опасной войне.

III. Для сохранения мира Франция в самой простой и здоровой политике всегда была обязана содержать на севере ополчение.

IV. Сила сего ополчения должна по необходимости изменяться и быть соразмерною: 1) положению России в отношении к турецкой войне; 2) военным ее приуготовлениям; 3) политическому ее с Франциею поведению и возникающим ее притязаниям.

V. В настоящем положении сих трех обстоятельств Франция должна была по всей необходимости усилить свои вооружения, ибо:

1) турецкая наша война с тех самых пор, как мы приняли оборонительное положение и открыли негоциации, предвещала скорый конец;

2) притязания или, лучше сказать, тон наш с Франциею переменился двумя сильными мерами;

3) приуготовления наши к войне, хотя в начале своем они вызваны были движением французских войск, тем не менее суть действительны.

VI. Из сего следует, что ополчение Франции изъясняется само собою одним положением России и образом ее поведения и что нет никакой причины для изъяснения сего искать и составлять наступательные системы. Неосновательность сих систем доказывается:

1) *поведением Наполеона*; если бы в намерениях его было сделать войну наступательную; он старался бы усыплять Россию, а не грозить ей; он не хвалился бы своими вооружениями, но старался бы скрывать их;

2) *податливостью его на объяснения*; в наступательной войне надлежало бы не искать объяснений, но стараться удалять их и даже притворяться, что нет к ним никакого предлога, так как и нет никакого намерения к войне. Здесь

могут возразить, что вывоз на сии объяснения мог быть нужен для того, чтоб на нас впоследствии обратить всю тяжесть начала войны. Предположение странное; как будто Наполеон может озабочиваться мнением прусского или венского двора о начале войны и как будто может быть кто-нибудь виноват, начиная с ним войну;

3) не можно согласить с обыкновенным его благоразумием, чтоб, не окончив испанской войны, он бросился в другую. Презирать Россию он не может. Все поведение его с нею с самого Тильзитского мира и самая известная бумага доказывают сие неоспоримо. Начать войну на Висле и окончить ее на Днестре нельзя ни в шесть месяцев, ни в год. Впрочем, если бы в Париже и были на сей счет какие-либо заблуждения, то изъяснения французских послов могли давно их рассыпать. Следовательно,

VII. Истинный разум французских военных приуготовлений состоит не в безрассудной предприимчивости новых побед, но в том весьма благоразумном расчете, чтоб предохранить Тильзитский мир от совершенного его разрушения и продолжить настоящий вещей порядок до окончания дел испанских. Следовательно,

VIII. Нет никакой вероятности, чтоб Франция начала войну, если Россия строго будет держать себя в настоящем положении.

Из сего происходят следующие правила поведения для России.

I. СПОСОБЫ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ

1) Не входить ни в какие связи ни с прусским двором, ни с венским. Они не могут желать войны и, следовательно, не будут содействовать ее приближению, а сего для России уже довольно. Всякая дальнейшая с ними связь усилит только подозрения, а в случае войны не принесет нам никакой пользы.

2) Не заводить Швецию в английскую систему; не поощрять ее к тому, но и не удерживать. Если мы будем ее поощрять, то сие будет для Франции явным предзнаменованием и нашего отпадения.

3) Стараться пресекать слухи о переменах и конституциях в Польше. Перемены сии, естественно, обнаруживают разум, в коем мы хотим действовать.

4) Стараться уронить слухи о неизбежности войны. Если в Петербурге войну считают неизбежною, то в Париже, естественно, должны заключать, что мы готовы уже оставить Францию. Война действительно может сделаться неизбежною в Париже для того, что в Петербурге ее считают таковою, а в Петербурге для того, что так думают в Париже.

5) Не раздроблять политику на многие части. Кроме других неудобств сим умножаются толки, гадания и слухи, сим правительство дает себе вид некоторого беспокойства и смущения, которое всегда изъясняется *к войне*.

II. СРЕДСТВА ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ

6) Искать всех случаев изъясняться с Франциею, не отправляя туда нарочного. Весьма жалко, что речь 15 августа прошла почти без внимания. Но другой случай легко предстать может, если захотят им пользоваться. Под именем изъяснения здесь не разумеются сии обычные фразы дружбы и гармонии, от коих бы надлежало и совсем воздержаться. Основанием изъяснения должно быть прямое, простое, сильное, но умеренное изображение настоящего вещей положения и его последствий. Цель его должна состоять в том, что две великие державы не могут начать войну ни за тариф, ни за Ольденбург. Изъяснения сии легко могут быть сделаны чрез послов. Своеручное письмо может быть еще более бы сему пособило. Но все сие должно быть сделано кстати при первом удобном случае, а не без повода.

7) Сими средствами, кажется, можно удалить войну. Но никакими нельзя отвратить ее на долгое время. Тильзитский мир по существу своему есть мир невозможный не потому, чтоб Россия не могла выдержать торговых ее последствий, но потому, что она не может никогда представить Франции достаточного ручательства в точном его сохранении. Следовательно, удаляя войну, должно, однако же, непрестанно к ней готовиться. Должно готовиться не умножением войск, которое всегда опасно, но расширением арсеналов, запасов, денег, крепостей и воинских образований.

1812 г.